

Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде¹

Забияко Анна Анатольевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Россия. E-mail: sciencia@yandex.ru

Забияко Андрей Павлович,

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой религиоведения и истории Амурского государственного университета, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Благовещенск. E-mail: sciencia@yandex.ru

Зиненко Яна Викторовна,

магистрант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Россия.
E-mail: yasya11111@mail.ru

Чжан Жуян,

аспирант кафедры литературы и мировой художественной культуры Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Россия. E-mail: 358860148@qq.com

В центре внимания авторов статьи — русские, проживающие в Трёхречье, районе Северо-Восточного Китая. На основе полевых исследований русскоязычного населения Трёхречья авторы приходят к выводу, что для данной этнической группы важнейшей основой этнокультурной идентификации является язык, в частности, речевые жанры, связанные с семейной историей и бытом (семейные мемораты). Семейные мемораты русских жителей Трёхречья сохраняют сведения об исторических процессах начала XX века и отражают этнокультурную специфику русских потомков в Трёхречье. Историческая память трёхреченцев начинается с брака русских и китайских предков. Это событие становится источником мифологизации истории этнической группы русских

¹ Исследование поддержано грантом Российского научного фонда, тема «Этнические миграции как фактор цивилизационных взаимодействий и социокультурных трансформаций в Восточной Азии (история и современность)», проект № 14-18-00308.

Трёхречья. Основными сюжетами меморатов становятся этапы формирования этнокультурной общности русских Трёхречья, эпоха японской оккупации Маньчжурии, освобождение Китая советскими войсками, годы «культурной революции». Именно последнее стало причиной того, что русский язык стал забываться в среде полукровцев. Особое место в меморатах занимают рассказы о детстве информантов, их тяге к русскому языку и об отношении к православию. Эти речевые жанры постепенно переходят в устойчивые фольклорные тексты со своей композицией, стилистикой, прагматикой. Семейные мемораты становятся основой исторической памяти и формой сохранения идентичности русских Трёхречья в китайской среде.

Ключевые слова: миграция, Трёхречье, этнография, фольклор, речевые жанры, мемораты, этничность, идентичность, русскость, этнокультурная идентификация, историческая память.

Family memorats of Russians from Trekhrech'ye as basis of reconstruction of historical processes and ethno-cultural identification in Chinese environment.

Anna Zabayako, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: sciencia@yandex.ru.

Andrej Zabayako, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: sciencia@yandex.ru.

Jana Zinenko, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: yasya11111@mail.ru.

Zhang Ruyang, Amur State University, Blagoveshchensk, Russia.

E-mail: 358860148@qq.com.

The article focuses on the Russians living in Trekhrech'ye in the North-East of China. In terms of field studies of the Russian-speaking population from Trekhrech'ye the authors come to the conclusion that the language, particularly speech genres related to the family history and everyday life (family urban legends) are the most important basis of ethno-cultural identification. Family memorats of Russian inhabitants of Trekhrech'ye preserve the information about historical processes of the beginning of the twentieth century and reflect ethno-cultural specificity of the Russian descendants in Trekhrech'ye. Historical memory of the inhabitants of Trekhrech'ye starts with the marriage of Russian and Chinese ancestors. This event becomes a source of mythologization of the history of the ethnical group of the Russians in Trekhrech'ye. The main topics of the memorats are the stages of formation of ethno-cultural community of the Russians in Trekhrech'ye, the epoch of the Japanese Invasion of Manchuria, the liberation of China by the Soviet Army, the years of the Cultural Revolution. The latter became the reason for language forgetting in half-blood families. The tales about childhood, thirst for Russian language and the attitude towards Orthodoxy have a special place in the urban legends. These speech genres transform gradually into stable folklore texts with composition, stylistics, and pragmatics. Family memorats become the basis of historical memory and a form of preservation of the identity of the Russians from Trekhrech'ye in Chinese environment.

Keywords: migration, Trekhrech'ye, ethnography, folklore, speech genres, memorats, ethnicity, identity, Russianness, ethno-cultural identification, historical memory.

Предметом исследования в данной статье стали особые речевые жанры русского населения Трёхречья — *семейные мемуары*. Для этого рода жанровых образований используются разные именованья: «семейные истории», «биографические рассказы», «семейные биографические рассказы». Часто употребляется довольно широкое понятие «устный рассказ» («устная история») [6, с. 210]. Мы считаем, что для исследуемых нами жанров более адекватен термин «семейный мемуарат» как «рассказ-воспоминание с тенденцией к фольклоризации» [9, с. 241—245], а именно рассказ-воспоминание об истории рода, семьи, о территории исхода семьи, самого процесса исхода на заселяемые ныне территории, рассказ о традициях предков, сохраняемых семьёй и родом.

По определению Н.Д. Арутюновой, мемуараты есть речь, «погружённая в жизнь» [2, с. 136]. Жизнь русскоговорящего населения Трёхречья является результатом длительного формирования русского анклава на этих землях [4]. Историческая судьба этого населения с конца Гражданской войны, в 20-е гг. XX в. и позднее, представляет собой череду тяжелейших внешних испытаний. Жители Трёхречья страдали и от белогвардейцев атамана Семёнова, и от карательных набегов красных отрядов, совершавших рейды на китайскую территорию, и от японской военщины, захватившей Маньчжурию в 1931—1945 гг. Победа над Японией и образование КНР обернулись для русских Трёхречья сначала обвинениями в пособничестве белым и японцам со стороны советской власти, арестами, насильной или полудобровольной высылкой в СССР; затем — в годы «культурной революции» и борьбы с «советским империализмом» — обвинениями в пособничестве СССР и репрессиями со стороны китайских властей. Более 50 лет политический террор, демографические тиски, экономические тяготы, культурные и образовательные ограничения деструктивно воздействовали на русскую диаспору Трёхречья.

В настоящее время в Трёхречье существует несколько деревень, где живут потомки русских поселенцев, в основном — люди, родившиеся в смешанных браках («полукровцы», как они себя называют). По разным данным, к таким русским себя относит более тысячи человек [10, с. 187—208]. Это люди преимущественно старше 50 лет. Их образ жизни связан с деревенским укладом и крестьянским трудом. В последние 20 лет некоторые из них занимаются мелкой торговлей и обслуживанием туристов. Русских школ здесь нет уже более 50 лет. Многие жители старшего поколения не смогли из-за бедности многодетных семей, тягот послевоенных лет и событий «культурной революции» получить даже начальное или среднее образование в китайских школах, поэтому остались неграмотными или малограмотными. В условиях практически полной на протяжении 40 лет изоляции от России, её языка, литературы, музыки и других сторон культуры потомки русских в Трёхречье, тем не менее, сохранили русское этническое самосознание и некоторые основы русской культуры [6].

Семейные мемуары трёхреченских русских тому подтверждение. Они были собраны в результате двух экспедиций: май — июнь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян, Ван Цзян-линь; октябрь 2015 г., участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Чжан Жуян.

В ходе экспедиций было опрошено более 25 информантов, в том числе: Иван <Васильевич> Васильев (92 г., 1923—2015, Эньхэ), Владимир Васильев (60 лет, 1956 г.р., Эньхэ), Тамара <Васильевна> Ерохина (77 лет, 1939 г.р., Эньхэ), Екатерина <Александровна> Литвинцева (74 г., 1942 г.р., Эньхэ), Таисия Николаевна Петухова (85 лет, 1931 г.р., Эньхэ), Василий Зоркальцев (72 г., 1944 г.р., Эньхэ), Анна Первоухина (Дементьева) (64 г., 1953 г.р., Эньхэ), Иван Дементьев (71 г., 1945 г.р., Эньхэ), Александр (Шурка) Честнов (78 лет, 1938 г.р., Эньхэ), Клавдия Ушакова (82 г., 1934 г.р., Лабдарин), Варвара Ушакова (71 г., 1945 г.р., Лабдарин), Лидия Корытникова (74 г., 1942 г.р., Шивей), Альгея Астафьева (81 г., 1935 г.р., Шанкули), Христина Васильевна Литвинцева (88 лет, 1928 г.р., Шанкули) и др.

Семейные мемуары собирались в процессе интервью, что наложило на их тексты определённый жанрово-стилевой, композиционный, прагматический, этнолингвистический отпечаток. Большая часть мемуаров звучала на русском языке, но иногда информанты-билингвы переходили на китайский язык: в поисках более точного слова, в целях разъяснения каких-то реалий, более понятных китайскоговорящим интервьюерам.

Практически все информанты испытывали удовольствие от общения с русскими, т.к. зачастую они не имеют возможности разговаривать по-русски, ощущая настоящий «коммуникативный голод». Семейный мемуар трёхреченского русского запечатлевает сам по себе акт воспоминания русского языка, русской грамматики, русских имён, русских явлений. В процессе разговора информант восстанавливает некоторые слова и понятия, характерные для русской грамматики и русской речевой практики. Так, на вопрос, обращённый к Варваре Ушаковой, как зовут её сестру, та на минуту задумывается: «...*Дора* (Федора. — *Авт.*), *однако. Я её просто — сестра зову, по-нашему*» (по китайской традиции сёстры и братья называют друг друга не по имени, а специальными словами, обозначающими степень родства: «старшая сестра», «старший брат», «младшая сестра», «младший брат» и т.д.). Как видно, рассказчик воспринимает собирателя как полноценного участника общения — тем более, когда речь идёт об общении на русском языке в китайскоговорящей среде.

Вопреки установке на интервью, трёхреченский рассказчик, как правило, сам решает рассказать о чём-то, с его точки зрения, очень важном; он не подстраивает свою историю под «вопросно-ответный» диалог. Так как русские жители Трёхречья в основной своей массе неграмотны (не могут писать и читать по-русски, лишь некоторые знают китайские иероглифы), написанной и отрефлектированной ими самими истории Трёхречья — заселение этих территорий их предками, социокультурная трансформация русскоязычной среды трёхреченцев — не существует. Не записано и так

называемых семейных хроникатов, в которых отразились бы частные истории родов и семей (как, например, зачастую происходит в русских семьях на постсоветском пространстве). Собиратель-интервьюер оказывается вовлечённым в «живую жизнь», в «живую историю». Информант «втягивает» собирателя в живой коммуникативный акт. Перед нами — нарративы, рассчитанные на ответную реакцию собеседника [8]. В таком звучании семейные мемораты отчасти сближаются с текстами, называемыми А.П. Липатовой «свидетельскими показаниями».

«Семейная судьба, — пишет И.А. Разумова, — выражает не „единство“, а „одинаковость“ персональных судеб, их ритмичную согласованность в пределах родственной сферы» [9, с. 139]. Как любые семейные мемораты, исследуемые нами тексты характеризуются системой устойчивых идей-лейтмотивов. Первоначальная установка на жанр интервью определила то, что семейные мемораты, записанные нами, типологически сходны в тематическом и композиционном строении. Отчасти это связано с логикой вопросов собирателей и возрастом информантов — в среднем 75 лет. Однако, кроме общих моментов, имеются и индивидуальные особенности. Практически все мемораты включают в себя следующие тематические блоки: воспоминание о предках (бабушки и дедушки, родители); рассказ, как те оказались в Трёхречье; рассказ о составе семьи; рассказ о православной вере, о традиционных праздниках.

Мемораты о предках объединены топосами, на основании которых сегодня складывается официальная история «русской национальности Китая» в районе Внутренней Монголии, неотделимая в китайском сознании от мифологизации истории. На базе таких мифологизированных сюжетов в г. Лабдарине (Эргун) выстроена экспозиция в краеведческом музее, написан сценарий мюзикла «Любовь Аргуни» (2015 г.) и т.д. В этих историях, как правило, русская девушка (впоследствии становящаяся бабушкой) из Забайкалья выходит замуж за молодого человека из Шаньдуня (или мамарусская выходит замуж за китайца). Многие «дедушки» и отцы-китайцы в этих воспоминаниях принимают крещение, сносно говорят по-русски.

Несмотря на обозначенные топосы меморатов, в них отразились и индивидуальные характеры информантов, их личные оценки исторических и социальных процессов, взгляд на окружающую их действительность, их этнокультурная идентичность: *«Оба (родители) — полукровцы, бабушки у нас русские чисто. Дедушки из Шаньдуня, ну, они сюды молодые выехали, здесь поженились на русских, потом нас наплодили. У нашей бабушки много было: 6 сыновей да 4 дочки. Бабушка моя с отцовской стороны с Приаргуньской, а с материнской-то, я не знаю, с какой стороны они выехали, нет, я неправильно сказала — „Черухай“, там новый Черухай — старый Черухай — это бабушка отца оттуда»* (Е. Литвинцева).

«Мама — русская, папа — китаец. Мама — Анисия Александровна. У меня дедушка — Александр — плотник был. Три дяди было: Иван, Николай, когда воевали — погибли. С японцами воевали, ближе к Драгоценке, Советский Союз помогал в Китае. У меня шесть сыновей,

две дочери. <...> **Отец** искал, где заработать, поехали в Россию они, ехали — доехали до Маньчжурии, уехали в Россию. Их 8 человек было. Вот там жили у русских, работали, как раз это царь с советскими воевали (видимо, речь о Гражданской войне — Авт.). Вот в армию записались (видимо, хозяева — Авт.), они уехали на прииск (отец — Авт.), там с матерью пожил, потом в Китай вернулись» (И. Васильев);

«Меня зовут Лида, фамилия по отцу Широкова. Он Широков Александр, он **китаец**, в Союзе был, тама-ка, а кто знат, что в Союзе делал, раньше молодёжь были, не рассказывал. **Мама** — Коротникова Анна Ильинична. <...> **Отец по-русски**, ой хорошо говорил, он уж давно умер. Я думаю-ка, он давно в Союзе был, молодой ещё, а потом в Китай приехал. Вот **мама сюда приехала и вышла замуж за китайца**» (Л. Коротникова);

«Я родилась в Китае в Драгоценовке, у меня 3 сестры в России родилась, у меня папка, мамка с Забайкалю» (Т. Петухова);

«Я Ерохина Тамара Васильевна. **Мама — русская, папа — китаец. Отца** Василий звали — **китаец. Китаец чистый**, я, конечно, на русскую, я на маму похожа. Мы ещё небольшие были — матери нету. Нас детей **нарождала 10**: 8 девок и 2 парня. Мои сёстры все здесь, малый брат умер, когда молодой был, умер, а старший **счас** в Лабдарине живёт» (Т. Ерохина);

«Тут золото мыли, завод был. Тут народу не было, мало-мало. Ничего они не заработали. В годах — жениться надо, а **китаюшек**-то не было. Здесь **русские** девушки. Сталин всех сюда пригнал (очевидно, речь о революции и Гражданской войне — Авт.). Сюда и из России пришли китайцы. Мама из Олочи приехала с отцом» (В. Зоркальцев);

«Я с малых лет без матери, по-русски-то худо говорю, маленечко. Мне было только 5 лет, мама-то померла. **Отец у меня китаец. Мама — чисто русская**. Мы там в Усть-Уровье, далеко жили. Моя родина там. Папа из Аньхой» (А. Астафьева, по матери Кузнецова).

Из этой части мемуаров можно сделать вывод о том, каким образом заключался брак: как правило, «по сговору», но были случаи и «умыкания» в буквальном смысле: «Моя **свекровь** была Якимова Улита. Она с берега Аргуни от Нолимска. Бабушка тоже из не богатого дома, она выросла с мачехой. Трусики носила, штанов не было. Наш **свёкр-китаец** переехал Аргунь и там продавал муку, пищу, тогда в России трудно было в 20-х гг., только после революции. Наш свёкр слова два по-русски говорил, вот она бегала у него покупала. Вот с ним там познакомилась, часто бегала туда, он всё распродал и её на сани, и привёз сюда и невеста. Они жили сначала в Камарах около Аргуни. Было 3 сына и одна доча» (И. Громова);

Рассказ о предках неотделим от сюжетов, повествующих о том, как предки попали в Трёхречье, какие социально-политические процессы тому способствовали: «У меня бабка из Забайкалу, три сестры с Забайкалу и мама тоже с Забайкалу. Вы знаете, через границу тут с Забайкалу

недалеко. У нас почему полукровцы-то получились. С Китаю тогда белобандиты — эти белые, они девушек шибко портили, ругались и почему девушки-то все в Китай перебежали и потом не вернулись, за китайцев ушли, вот пошли полукровцы, все девушки из России сюды перебежали. Невозможно там было жить, они говорит к кому зайдут, даже муку все рассыпят по ограде тебе, вот все женщины прячутся, все девушки в Китай и перебежали, и пошли полукровцы. Нас тут много было, старушек-то, вот они начнут рассказывать трудно было нам» (Т. Петухова);

«Бабушка оттудова приехала (из России), а дедушка тута-ка, они поженились, на Ернишной, отсюда 40 км. Они тоже-ка много наносили, дядюшки туды уехали в Союз — три: Федька, Ванька, Валька. Папа тут остался да тётушки: тётти Шура, Маня, Арина тут **остались**. Мамина фамилия Первоухина иль чё ли, наверно, Маруся звали, у **мамы** папа **китаец**, у **папы** папа **китаец**, у них **только матери русские**. У **мамы** 9 штук нас детей. Все за полукровцев повыходили. Сестра замуж за Воландина ушла. Мама-то жива у меня, сейчас на Ернишной живёт, 85 ей лет. У меня там сестра Вера, Коля брат, Витя. Мама по-русски говорит. У внуков русские имена, большой — Юра, маленький — Алёша» (А. Дементьева, И. Дементьев);

«Нашу **маму бабушка** на руках в 4 года сюда привезла. **Бабушка** 4-х привела сюда, маму **отчим** вырастил. За которого она вышла, за **китайца**, от того ещё 2-х принесла, дочку да парня. Работы-то не было, он картами играл, всё проиграл. Вот маленькие они все по людям ходили, работали, в 16 лет за папу отдали и папа года не старый. Он только маму старе на 8 лет. Папа — **китаец** из Хэбэй. **Бабушка** из Нерчинского завода. Они пешком сюда пришли. Голод был там. Здесь как раз рабочих из Китая ребят много, которые золото капали, японцы наловили дорогу налаживать. Я родилась в Караванной» (М. Дементьева);

«У меня **мать** тут от Аргуни недалёка была, Забайкал, деревню называли Чалбачи. Тогда в России революция была, красны с белым воевали, тоже потом разбеднело. У моей мамы бабушка, она 9 лет вдовушкой была, 3 девки она сама их вырастила. У ей левый бок сильно болел, потому-ка умерла, моёй маме было 14 или 11 вот так, маминой сестры, та на 2 года постарше, они пошли по нянькам, тогда исть-то трудно стало, Россия разбеднела. Китай-то хорошо жил, тогда не запрещали, границы не было, они потом пошли по нянькам здесь в Китае. Вот так ушла потому-ка за моёго отца. **Отец** из **Шаньдуня**.

Интервьюер: Отец как потом здесь оказался?

Информант: У них один год кобылки всё объели, ничего не было, они молоды были, знали только, что пойдём на Запад, там может, останемся. Вот шли пешком, не было железной дороги. Их было 7—8 молодых парней, 16—18 вот таких лет. В которо место зайдут, работу ищут, найдут, поработают сколь дён, заработают на харчи, опять идут. Тогда не было границы не закрывали, так они дошли до Союзу. В Союз, когда зашли, ушли которы золото мыть, которы в работники

ушли. Мой отец-то кирпичи жёг, которым работать не охота, поступили служить. Тогда большики брали, китайцев служили. Тогда уж пошла революция, красна с белыми воевали. Он там-то кирпичи жёг, продавал, остались деньги, он там лавочку открыл. Жил хорошо там. Потом-ка не знаю, красны или белы, наняли в Монголию армию солдат. Они ему сожгли лавочку, он по-русски хорошо говорил, а когда лавочку сожгли ему, деньгами кому печку клал, они ему помогли. Он опять открыл лавочку, только за границей, а не здесь, там деревня к деревни рядом. Он здесь (в Китае) открыл лавочку, вот в то время, он встретил маму, она за него ушла, молоденька, ушла, ещё 17 не было, 16 лет — вот так. Вот так в Китае и остались» (Ш. Честнов);

Из этой части мемуаров следует, что «точкой отсчёта» семейной исторической памяти становится **событие переселения** предков в Трёхречье. Русские полукровцы устойчиво фиксируют своё происхождение до третьего колена — бабушек и дедушек (как правило, у тех русские матери и китайцы-отцы). Соответственно, начало своего рода они ведут с того момента, когда появились потомки в смешанном браке, представители «нашей нации» (В. Зоркальцев) полукровцев — этим событием определяется «актуальная память» семейных мемуаров.

Пространство и статус локуса исхода варьируются в узких пределах. Информанты знают, как их предки оказались в Трёхречье (из Забайкалья и провинций Шаньдунь, Хэбэй). Отсутствуют детализованные рассказы о родине предков — как по материнской, так и по отцовской линии. Специфика пространственной (и геополитической) идентификации их родины — Трёхречья — выражается в чёткой дифференциации понятий «здесь» и «там». Здесь — это Саньхэ, Трёхречье. К «там» одинаково относятся и Россия (слово «СССР» практически никто не употребляет), и центральный Китай.

Характеристикой «ауры места» в рассказах русских трёхреченцев обладает «Россия» (как в целом страна, так и Забайкалье, Сибирь), несмотря на все исторические катаклизмы, с нею связанные: *«Я в Россию ездил, там дядя в Новоалтайске, там сёстры, братья, 2 месяца прожил. Когда было 53 года (день рождения считает по-китайски). Сейчас думаю — жизнь лучше там (в России)» (В. Зоркальцев).*

Темпоральные характеристики возникновения «рода» специфичны для трёхреченских русских: историческая подоплёка перемещения предков в Трёхречье не зафиксирована в памяти полукровцев, как не зафиксированы события революции 1917 г., Гражданской войны. И, в отличие от сведений В. Кляуса [6, с. 210—242], наши информанты однозначно не упоминают в семейных мемуарах о событиях 1929 г. (кровавой расправе, устроенной войсками НКВД на территории Трёхречья, в ходе которой в нескольких деревнях население было большей частью уничтожено, многие деревни были почти дотла разорены).

Характеристики «семьи предков» трёхреченцев, как правило, в целом индифферентны по отношению к социальному происхождению, так как,

рождённые в крестьянских семьях на территории России или Китая, муж и жена (бабушка и дедушка, мама и папа для информантов) продолжали вести в Трёхречье крестьянский образ жизни, охотничали.

Как следует из семейных мемуаров, исторически значимыми для них являются период японской оккупации Маньчжурии (1931—1945), освобождение Трёхречья советскими бойцами (1945) и годы «культурной революции» (1965—1976) (в их словоупотреблении, как правило, «революция») — то есть те исторические реалии, которые связаны с их личной историей, эмоциональными переживаниями.

Наибольшей степенью экспрессивности характеризуются рассказы трёхреченцев про японскую оккупацию и про освобождение от неё советскими войсками: *«Когда японцы в Китае были, мою маму пытали, что она будто в Россию ходит. Её на полмесяца в тюрьму посадили, только ничего не узнали. Потом русские подружались — китайцы подружались, её отпустили. Я вот сейчас памятник поставил в Драгоценке, крест. Японцы её душили, ни за чё. Она страдала, мы тогда маленькие были, всяко прожили»* (И. Васильев);

Драматичен в этом отношении рассказ Ирины Громовой, отец которой сам служил в японской армии: *«Когда японцы тогда шли, в мою маму один влюбился, а кака любовь — он же военный. В белых перчатках, на коне ездил. Вот сделал меня, а он **кореец** был. Он японцем работал, ну и она вышла за него. Меня-то сделали. Потом русска армия Китаю помогла, японца угнали. **Тот отец** тоже убежал с имя вместе. А маму и меня бросили, мама никак не поехала с имя. Он звал, она не поехала: у меня дом, у меня дитё, и не поехала. Они убежали. До Усть-Урова (Усть-Уровье — Авт.) добежали, его там где-то и убили. Это же гадина: почему ты это в такую армию!»* (И. Громова);

«Ой, какие черти, эти японцы. Они-то чё делали, сколько народу убили, хорошо нам русские помогли. Хотели всех нас в одну избу собрать, хотели всех нас сжечь, убить».

Мама рассказывала, что они уезжали (японцы) и заставляли воду таскать с речки, всё девчонок отправляли. Они пока не видят (японцы), девчонки за избу зайдут — то плюнут в эту воду, то помоются в ней. Они через Шевково бежали, детей говорят, всех убили своих, сожгли, потом несли кости детей. Мама говорит — их (детей — Авт.) хорошо накормили, пообедали, рис сварили, всё хорошо, им потом сказали: глаза закройте и их постреляли и сожгли потом. Унесли их кости с собой. Японцы много русских убили, на сопках убивали, там японцы позапрятались. Они всех нас сгоняли в один дом, потом одна японка сказала: „Вы не ходите, вас там хотят убить“. Это в Караванной было. Потом в Дубовой было, отвезли из Шевково, там пшеница выросла, надо жать, молотить. Японка одна сказала: „Сегодня вы молотите пшеницу, а завтра вас всех переколотят“. Которые поверили — на караванские верха убежали (на сопки), которые не поверили — их убили» (М. Дементьева).

Рассказы про «культурную революцию» удалось записать не у каждого информанта: в семейных меморатах трёхреченских полукровцев они относятся к разряду маргиналий. Очевидно, что такое отношение связано с нежеланием «выносить сор из избы» (по-русски), «потерять лицо» (по-китайски) и боязнью вновь пострадать от официальных властей. Поэтому при первом знакомстве с информантом звучит характерная реплика: *«Про культурную революцию нечего рассказывать, про это история не заходит (официальная история Китая — Авт.). И нам не надо это поминать, тяжело было нам, полукровцам»* (Ш. Честнов).

Редкие же откровения информантов дают возможность увидеть эти события изнутри, понять, почему дети и внуки наших собеседников не учили русский язык и сами информанты сейчас многое забыли: *«Когда в Китае была культурная революция, нам запретили русский язык. Вот за это дети ни слова не понимают, он же ни день, ни два прошёл, а 10 лет»* (Ш. Честнов);

«Знают — нету-ка, а бьют. Задираюца, за ноги подвешат на верёвки и бьют. Не в тюрьму посадят, а в дом найдут и держат — кондала наденут. А не просто сидели — на санях да с топорами работали, а вечером опять кондалы. Хотел убежать, да куда? Один учитель убежал, они его вернули — расстреляли. <Я> колхозе сперва работал, потом привели к лесу — там работал (в революцию и после — Авт.).»

В культурную революцию из своих посёлков свои начали как собаки. Сперва по деревням, потом по городам, по посёлкам <...>

Родня с роднёй разговаривать боится. Я в Олочи был, там был один китаец-полукровец. Его забросили, его поставили работать, а он только сказал: „Матку сюда подвину“ — по-русски. И за это его посадили. Он потом в Новосибирь (Новосибирск) уехал <...>

Ещё раз нашла история: по-русски все говорить боялись, а бабы сойдутся да по-русски разговаривают. Один коммунист зашёл к ним, все не стали разговаривать, все боятся. Он молчал-молчал. А потом (по-китайски): „Это я где?“ — „В Володькином доме“. — „А Володькин дом где? В Китае?“ — „В Китае“. — „А почему в Китае по-русски говорят? Почему не по-китайски?“

Потом в 80-м в начале перестройки казна сказала: „Можно вам по-русски говорить, понемногу стали говорить“» (В. Зоркальцев).

Семейные мемораты в данных сюжетах демонстрируют русскую способность информанта охарактеризовать событие «не в бровь, а в глаз»:

«Когда была в Китае культурная революция, всё культурно делали: то не дают пить, то не дают одеться. Меня подвешивали, отца в тюрьму садили. На моёго папу кандалы одевали, железные в кузницы накуют, потом к ногам приплавят, что их снять не можно. В Олочах тиранили, потом ещё в Драгоценке. В Драгоценке тоже этот человек, который кандалы паял, он же заскочил на машину: ноги отмёрзнут до Драгоценки ехать, дал одеяло — ноги замотал отцу. Мы на него не так злимся, что он хорошо отцу сделал.»

Ну, ничего, Бог помог, всё прошло» (И. Громова).

Страшные воспоминания об этих годах есть в каждой семье полукровцев, однако рефреном упоминаний о «революции» становятся горькие вздохи и приговорка: *«Всяко прожили» (И. Васильев): «В революцию ой трудно было, но все прожили, иконы везде все прятала на вышку, потом в колодец замазывала, потом на себе, грешна Господу Богу, иконы всё брошала, церкви раньше здесь не было» (Л. Корытникова).*

Не случайно мемуары о «культурной революции» связаны с размышлениями о «божьем промысле»: православие трёхреченских русских — важная часть их самоидентификации как «русской нации» [11, с. 192—195]. Церковь в семейных нарративах связана с детскими воспоминаниями. Наиболее важным критерием этнокультурной идентификации и действенным способом сохранения этнической памяти для всех трёхреченских русских становится крещение.

«Мама меня в церкви крестила, у нас в Усть-Уровье церква была. Я детей не крестила, огружала, я батю спрашивала, здесь нету-ка церкви, то я принесу месяц выйдет, то тогда я иконы омою их опрыскаю святой водой, я батю спрашивала, он говорил всё равно погружённые. Куличи сами пекём. Яйца красим, а свечи раньше я сама лила, церквы-то не было, а сейчас церква, там в церкви льют» (Л. Корытникова).

В семейных мемуаратах трёхреченцев явственно обнаруживаются черты народного православия — в сюжетах, посвящённых видениям, суеверным представлениям, рассуждениям о загробной жизни:

«Я маленький. У меня сестра в Покровке жила. <...> Меня потом отец увёз к сестре. У нас в деревне не было церкви, а в Покровке была. У нас всё кругом были русские соседи. Её по-русски звали Зина, её всё учат: „Ты, Зина, ходи в церковь, молись Богу, каждо воскресенье“. <...> Мы тот день рано со сестрой пришли, вперёд встали, соседи рядом стояли, народу много было. Мне потом-ка мать Пресвятая Богородица почудилась — это я хорошо помню, я молился и на неё смотрел, она держала в руках маленького Иисуса Христа. Женщина красива, я вот молился, всё время на неё смотрел. И никто не скажет, а она-то сидит в правом боку, а от батюшки в левом боку, так на лавочке смотрит на нас, парнишка русский на руках, годовой будет на руках, платье розовое на ней, у парнишки такое бледно розовое на ней. Я молился, думал: женщина — кака молода, а батюшка старый. Потом, когда пошли домой я сестре рассказываю: „Посмотри-ка чё, жена-то кака у батюшки молода“. Она говорит: „В церкви-то видел могилку?“, я говорю, видел, с ребяташками, когда играли там, часто видел. „Вот это его жена“. У батюшки, когда жена умрёт, хоронили в церкви тогда в ограду. Я говорю: „Хорошо же — видел женщина сидит, на руках ребёнок“. Она говорит: „Ты так будешь говорить, тебя русские наругают, когда родится девочка и то нельзя на этот престол“. <...>» (Ш. Честнов).

Годичный цикл жизни трёхреченцев измеряется событием Пасхи и последующими за ней праздниками: *«У нас здесь хорошо праздники сохраняются.*

Пасху Христову, Рождество, все праздники. Пасха когда отойдёт, мы высчитываем, Вознесенье-то — с Пасхи до Вознесенья 40 дней. Всё вот по-русски, сейчас мы живём с детьми, все они с нами по-русски и коды гости приезжают, гостей принимаем все по-русски» (Т. Петухова).

Как следует из семейных меморатов и общения с информантами, русских Трёхречья отличает присущее русской ментальности стремление к философствованию, политической рефлексии, осознанию мировых исторических процессов.

Так Василий Зоркальцев размышляет о том, что случилось с психологией людей в «культурную революцию»:

«Я подумал — это божья верка. Мао Цзэдун — бог в то время. Верили-то много. Все верят в свою верку, каждый говорит — моя верка правильная. В культурную революцию все сойдутся, каждый говорит — я верю, а я лучше верю, так стала божья верка (Мао Цзэдун — как бог)» (В. Зоркальцев).

Ему не безразлична судьба Китая и те процессы, которые идут стране во благо: *«Си Цзиньпинь — хороший президент, поправил коммунистов, чтобы они без корня <не> сгнили. <...> Видишь, Китай подымается!»* (В. Зоркальцев).

Связь с Россией и осознание своей русскости неотделимы для трёхреченцев от наличия у человека русского имени и знания русского языка. Меморат чётко фиксирует эту норму. *«У меня у жены было русское имя Таля, я её по-русски звал. У меня внучка Алка. У всех были русские имена, у Василия жена Наталья»* (В. Зоркальцев). Трудности в своей этнической самоидентификации трёхреченцы объясняют, помимо других причин, забыванием русского языка, запретом в недавнем прошлом на его использование даже в кругу семьи, отсутствием русских имён у части молодого поколения. Семейные мемораты отражают эту негативную трансформацию этнокультурных основ, обусловленную деградацией русской речевой традиции. *«Дома по-русски никого не говорили, отвыкли, все по-китайски, оттого и дети не понимают»* (В. Зоркальцев).

Логическим итогом представлений о том, что составляет этнокультурный стержень трёхреченских полукровцев, является высказывание В. Зоркальцева: *«Я говорю — надо из России девушек, чтобы они замуж здесь шли за китайцев, и тогда будет наша нация продолжаться»*. Семейная память о прошлых браках русских и китайцев, о происхождении особой «русской нации» в Трёхречье оказывается не только основой этнического самосознания. Она для трёхреченцев является когнитивной моделью осмысления способов сохранения и будущего существования их диаспоры. Им, потомкам от межэтнических браков, такой союз представляется естественным способом самосохранения.

Таким образом, мемораты трёхреченских русских отражают, с одной стороны, индивидуальное сознание информанта и его семейно-групповую память. С другой стороны, они заключают в своём содержании ключевые компоненты коллективного самосознания диаспоры — память

о родине предков, обстоятельствах исхода, особенностях общей культуры и основных этапах совместно пережитой истории. «Судьба рода» в них обретает смысл судьбы этнокультурного сообщества — русско-китайских полукровцев, «русской национальности Китая», особенной «русской нации» Трёхречья. Однако семейный меморат — это не только память о прошлом. Хранящееся в рассказах знание обеспечивает функционирование этнокультурного сознания в реальном настоящем: оно снабжает человека закреплёнными в традиции образами, нормами. Тем самым семейные мемораты формируют базовые фреймы, задающие человеку способы восприятия и интерпретации актуальной действительности. В границах этих фреймов, руководствуясь полученными от старших родственников образцами, носитель памяти определяет свою собственную идентичность и выстраивает стратегию поведения в окружающем его этнокультурном пространстве «своего» и «чужого». Более того, меморат — это не только ретроспекция в прошлое, но и когнитивная модель для проекции в будущее. Проверенная временем жизнь семьи представляется носителю памяти хорошим примером для построения чаемого будущего.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аргудяева Ю.В. Русские казаки-забайкальцы в Северо-Восточном Китае // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Исторический опыт взаимодействия культур. Вып. 11. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. С. 152—169.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Забияко А.А., Забияко А.П., Левашко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2015. 462 с.
4. Забияко А.А., Забияко А.П. Фольклор как основа сохранения русской идентичности в китайской среде (по материалам Трёхречья) // EMIGRANTOLOGIA. UNI.OPOLE.PL: Электронный журнал «Эмигрантология славян». URL: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/ru/czasopismo-online/> (дата обращения: 08.08.2016).
5. Забияко А.А., Эфендиева Г.В. «Четверть века беженской судьбы...» (художественный мир лирики русского Харбина). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2008. 434 с.
6. Кляус В. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 416 с.
7. Кормазов В.А. Барга: Экономический очерк. Харбин: КВЖД, 1928. 328 с.
8. Липатова А.П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты // UFOLK.RU: Сайт «Уральский фольклор Ульяновской области». URL: <http://www.ulfolk.ru> (дата обращения: 16.03. 2016).
9. Разумова И.А. Потаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М.: Индрик, 2001. 376 с.
10. Тарасов А.П. Русская национальная волесть Эньхэ в Барге: поиск русскими своей национальной идентичности в приграничном Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLIV, ч. 2. М.: Ин-т востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2014. С. 187—208.

11. Шестаков М.А. Благодатное Трёхречье // Вестник казачьей выставки в Харбине 1943 г.: сб. ст. о казаках и казачестве. Харбин: Изд-во Представительства Союза казаков в Восточной Азии, 1943. С. 192—195.

REFERENCES

1. Argudjaeva Ju.V. Russkie kazaki-zabajkal'cy v Severo-Vostochnom Kitae [Russian transbaikalian Cossacks in North-East China]. *Rossija i Kitaj na dal'nevostochnyh rubezhah. Istoricheskij opyt vzaimodejstvija kul'tur. Vyp. 11.* [Russia and China in the Far Eastern boundaries. Historical experience of cultural interaction. Issue 11]. Blagoveshensk: Amurskiy gosudarstvennyj universitet Publ., 2015, pp.152—169. (In Russ.)
2. Arutjunova N.D. *Jazyk i mir cheloveka* [Language and man's world]. Moscow, Jazyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 896 p. (In Russ.)
3. Zabijako A.A., Zabijako A.P., Levoshko S.S., Hisamutdinov A.A. *Russkij Harbin: opyt zhiznestroitel'stva v uslovijah dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin: experience of organization of life under conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshensk: Amurskiy gosudarstvennyj universitet Publ., 2015, 462 p. (In Russ.)
4. Zabijako A.A., Zabijako A.P. Fol'klor kak osnova sohraneniya russkoj identichnosti v kitajskoj srede (po materialam Trjohrech'ja) [Folklore as a basis of preservation of Russian identity in Chinese environment (following the materials of Trekhrech'ye)]. *Jelektronnyj zhurnal „Jemigrantologija slavjan“*. Available at: <http://emigrantologia.uni.opole.pl/ru/czasopismo-online/> (accessed 08.08.2016). (In Russ.)
5. Zabijako A.A., Jefendieva G.V. „Chetvert' veka bezhenskoj sud'by.....“ (*hudozhestvennyj mir liriki russkogo Harbina*) [“Quarter-century of refugee fate...” Artistic World of the Lyrics of Russian Harbin]. Blagoveshensk: Amurskiy gosudarstvennyj universitet Publ., 2008, 434 p. (In Russ.)
6. Kljaus V. “*Russkoe Trjohrech'e*” *Man'chzhurii: Oчерki fol'klora i tradicionnoj kul'tury*. [“Russian Trekhrech'ye” of Manchuria: Essays of folklore and traditional culture]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, 416 p. (In Russ.)
7. Kormazov V.A. *Barga: Jekonomicheskij oчерk*. [Barga: Economical Essay]. Harbin: KVZhD Publ., 1928, 328 p. (In Russ.)
8. Lipatova A.P. *Formy teksta rasskazov o snah: „svidetel'skie pokazaniya“ i memora-ty* [Story forms about dreams: “testimonial evidence” and memorats]. Availadle at: <http://www.ulfolk.ru> (accessed 16.03.2016). (In Russ.)
9. Razumova I.A. *Potajonnoe znanie sovremennoj russkoj sem'i. Byt. Fol'klor. Istorija*. [Hiding knowledge of modern Russian family. Everyday life. Folklore. History]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 376 p. (In Russ.)
10. Tarasov A.P. Russkaja nacional'naja volost' Jen'hje v Barge: poisk russkimi svoej nacional'noj identichnosti v prigranichnom Kitae [Russian national volost En'khe in Barga: Search by Russians their national identity in near-border China]. *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae, t. XLIV. ch. 2* [Society and state in China. Vol. XLIV, part 2]. Moscow, Institut vostokovedeniya Rossijskoj akademii nauk (IV RAN) Publ., 2014, pp. 187—208. (In Russ.)
11. Shestakov M.A. Blagodatnoe Trjohrech'e [Beneficial Trekhrech'ye]. *Vestnik kazach'ej vystavki v Harbine 1943 g.: sbornik statej o kazakah i kazachestve* [Herald of Cossack's exhibition in Harbin: Collection of articles about Cossacks and the Cossacks]. Harbin, Izdatel'stvo Predstavitel'stva Sojuza kazakov v Vostochnoj Azii Publ., 1943, pp. 192—195. (In Russ.)